

Глава 7. Немота и красноречие: размышления о языках¹

Один из наиболее активных исследователей в области, известной на западе как «народное языкознание», Денис Престон, с огорчением написал, что, несмотря на неоднократные попытки сблизить социолингвистику и фольклористику, истинного взаимодействия этих дисциплин пока не получилось (Престон 1996: 71). Тема международной миграции непосредственно связана с языковыми проблемами. Рассказы эмигрантов можно рассматривать как речевые портреты, в которых индивидуальные речевые стили переплетаются с характеристиками языкового поведения всей группы. Так как русскоязычные израильтяне участвуют в различных видах деятельности, при которых общение происходит на русском языке, глубинные интервью дают обширный материал, позволяющий наблюдать развитие речевых жанров и языковую динамику общины, проявляющуюся в образовании неологизмов, эмигрантского сленга и выборе аллюзий для описания жизненного опыта в новой стране. Помимо этого, интервью содержат богатый материал для изучения закономерностей переключения и смешения кодов в условиях многоязычной среды.

На протяжении предыдущих глав, интерпретируя высказывания информантов, мы использовали элементы этнолингвистического анализа. В российской науке основателем этнолингвистики стал Никита Ильич Толстой. Созданная им школа внесла неоценимый вклад в документирование и понимание народной культуры, отобранной в обрядах, поверьях и народной терминологии (см., например, Белова 1997; Березович 2000; Толстая 2000; Толстой 1995; 1995а, 1995б). Как было показано в предыдущих главах, хотя большинство проинтервьюированных нами людей – светские городские жители с высоким образовательным уровнем, их рассказы насыщены элементами русской и советской мифологии, часто используемыми бессознательно и проявляющимися на языковом уровне в образах, сравнениях и эпитетах.

Почти все интервью содержат размышления о языке и его роли в жизни человека. Такого рода материал остается наименее изученным в литературе о языке эмигрантов. Он составляет предмет изучения народного языкознания, анализирующего широкий спектр проблем: от исследований отображения социальной стратификации в речи до толкования носителями языка синонимов и омонимов; от рассуждений обывателей о языковых аномалиях до стратификации речевых стилей: восхищение одними и табуирование других (Нидзильски и Престон 2000: 2). В последние десятилетия диапазон знаний в этой области значительно расширился благодаря работам Д'Андрада 1987; Кэй 1987; Нидзильски и Престон 2000; Пальмера 1996 и Сильверштейна 2001 и др.

Основная цель этой главы состоит в том, чтобы показать мобилизацию сознательного отношения к языку у людей, сменивших языковую среду в связи с эмиграцией. Для того, чтобы понять нюансы реакции наших информантов на эти перемены, сделаем краткий экскурс в историю языковой ситуации в Израиле.

Очерк языковой политики Израиля

В диаспоре развивались несколько еврейских языков и диалектов: идиш в Восточной и Центральной Европе; ладино в Испании и Португалии, а в дальнейшем в Западной Европе и Северной Африке; иудео-арабский в Ираке, Иране и Марокко; татский (джухури) на Кавказе и др. (Членов 2003). Все языки и диалекты еврейской диаспоры включали слова из иврита. «Священный язык» иврит использовался для молитвы и чтения религиозной литературы и поэзии. С конца XIX века и вплоть до последних десятилетий XX века, формирование новой еврейской личности, бывшее одной из основных задач сионизма, было тесно связано с выбором языка. Возрождение иврита в качестве языка повседневного общения было краеугольным камнем этой идеологии (Спольский и Шохами 1999: 65–93). С тем, чтобы модернизировать иврит и превратить

его в основной язык еврейского населения страны, в молодом государстве Израиль проводилась политика полного отказа от языков диаспоры (Ольштайн и Котик 2000: 26). Некоторые израильтяне, прибывшие с первыми волнами *алии*, охотно исключили из своей жизни родной язык по идейным соображениям, другие же с трудом переключались на иврит, лишь подчиняясь требованиям идеологов и давлению, оказанному средой, а часто и собственными детьми. По мнению некоторых исследователей, философия «плавильного котла» так никогда и не оказалась успешной из-за ксенофобии и изначального жесткого разделения на представителей сефардов и ашкеназов, старожилов и новоприбывших. Это деление было, по сути, сродни сословной иерархии европейских народов (Цфадия 2000: 57; Фельдман 2003: 380–381). Тем не менее, эта философия оставалась определяющей в политике интеграции иммигрантов до конца 1980-х. Изменение языковой политики явилось реакцией на начало массовой эмиграции из СССР в 1989 г. Впервые за годы существования Израиля политический истеблишмент был вынужден официально поддержать язык иммигрантов, да к тому же не принадлежащий к группе языков диаспоры. Русский был допущен как средство общения, информационный канал, а также язык, использующийся в системе образования и в области культуры. Столь серьезное отступление от принципов было сделано лишь в надежде на то, что возможность пользования родным языком ускорит и упростит процесс социальной интеграции советских евреев (Глинерт 1995).

С точки зрения демографии, эмигранты из бывшего СССР – достаточно большая по численности группа для обеспечения непрерывного использования русского языка в Израиле (Котик-Фридгут 2000: 208; Спольский и Шохами 1999: 236). Демографический фактор подкрепляется институциональной поддержкой в форме иммигрантских партий, основанных для отстаивания интересов иммигрантов, СМИ на русском языке и различными иммигрантскими организациями и объединениями. Учителя-иммигранты основали разветвленную сеть школ второй половины дня, в которых ведется

углубленное преподавание основных школьных предметов, а также русской литературы и искусства на русском языке. Во всех городах с высокой концентрацией русскоязычного населения открылись библиотеки и общинные центры. Широко развита также сеть «русских» магазинов и предприятий обслуживания. Помимо этого существуют многочисленные самодеятельные театры, клубы по интересам, «дома ученых», а также участвующие в национальных и международных турнирах команды КВН и Клубы Знатоков «Что? Где? Когда?»² В СССР русский язык имел метафорическое значение «языка власти и благосостояния» (Райс 1997: 30–32) и он сохранил свою символическую силу среди иммигрантов, приехавших в Израиль и до, и после распада СССР. Это явствует из отрывков из интервью, которые будут процитированы в следующих разделах этой главы. Речевое сообщество носителей русского языка в Израиле демонстрирует три признака жизнеспособности: статус языка, демографический фактор и институционную поддержку (Джайлз и др. 1977).

В результате социо-политических перемен волна иммигрантов 1990-х оказалась первой иммигрантской группой в Израиле, не скрывающей своей решимости не отказываться от языка и культуры страны исхода. Хотя за последние годы в Израиле несколько увеличилась терпимость к многоязычию и праву разных культур на сосуществование, воля, проявленная в этом вопросе «русскими» становится причиной социальных и идеологических конфликтов, которые часто выплескиваются на страницы СМИ. Так, во время предвыборной кампании 2000 г. партия ШАС, объединяющая в основном религиозных сефардов, выразила протест против использования иммигрантской партией Исраэль бе алия русского языка в своей агитационной работе и рекламе (Пресс-служба ИБА, 12 декабря 2002 г.)³. Особенно заметен был этот выпад потому, что и другие наиболее влиятельные партии, например, Ликуд, Авода и Шинуй также широко использовали русский язык в предвыборной кампании. Нередко появляются в русскоязычной прессе и другие материалы о языковой дискриминации. Например, сооб-

шение о том, что дискриминируются владельцы бизнесов, использующие вывески только на русском языке, в то время как на вывески, использующие только английский или арабский языки, муниципалитеты смотрят сквозь пальцы (Стессель 2003). Несколько раз появлялись сообщения о борьбе русскоязычных депутатов Кнессета за продолжение финансирования радио РЭКА, вещающего на русском языке (Вести 26.03.2002), и статьи о том, что, угрожая увольнением, работодатели запрещают русскоговорящим сотрудникам общаться между собой на родном языке. При этом общение с русскоязычными клиентами на русском языке не возбраняется, а всячески поощряется (Шейхатович 2002: 3). Правительственные организации также выражают озабоченность нежеланием иммигрантов 90-х избавляться от своей «русскости» и тем, что они отдают явное предпочтение своей культуре, а не израильской, сознательно дистанцируясь от израильтян (Горенчук 2000: 18).

Языковая адаптация: полуязычие, двуязычие, многоязычие

Как мы уже указывали, каждый иммигрант в Израиле имеет право пройти бесплатно полугодовой курс иврита. В связи с массовым наплывом эмигрантов из СССР уже в 1990 г. *ульпаны* столкнулись с нехваткой опытных преподавателей. Пришлось подключать педагогов других профилей, не владеющих современными методиками интенсивного обучения взрослых. Кроме того, учебная программа *ульпанов* ориентировалась на то, чтобы учащиеся овладели бытовыми темами и усвоили страноведческий материал, знакомивший их с историей и культурой еврейского народа и Израиля. Подготовка же к профессиональной деятельности на иврите была весьма незначительной. Исключение составили немногочисленные специализированные группы, например, для медиков. По окончании первой ступени обучения иммигранты могли продолжить учебу в *ульпанах* второй и третьей ступени, но мно-

гие вынуждены были искать работу или поступить на курсы пере-квалификации, которые одновременно становились практикой в языке специальности.

Так как уровень образования выходцев из СССР весьма высок, рабочие места, на которые они претендовали, зачастую требовали не только свободного владения ивритом, но и английским. Но за спиной у опытных инженеров, врачей и преподавателей чаще всего был лишь опыт перевода литературы по специальности со словарем, пресловутые «тысячи», которые надо было сдать в институте, и полностью отсутствовали навыки устного общения и делового письма. Более того, многие учили в школе и институте немецкий или французский. Неожиданно для многих незнание английского стало тормозом на рынке труда.

Спрос на обучение языку немедленно породил и предложение в иммигрантской среде. Появились многочисленные курсы, предлагавшие групповые и индивидуальные занятия ивритом и английским. Некоторые из них не оправдали себя и закрылись, другие же продолжают успешно работать, например, «Корни иврита», которые существуют под руководством Инны Раковской уже более 10 лет. Не снижается и спрос на учебные пособия с объяснениями на русском языке и на магазины русской книги.

В лингвистической литературе об эмиграции пристальное внимание уделяется проблемам изучения иммигрантами языка принимающего общества. В Израиле и США проведено несколько исследований о зависимости профессиональной интеграции эмигрантов из СССР от уровня владением языком (см. Чизвик 2000; Эпштейн и Хеймец 2000; Менахем и Гайст 2000). Занимают языковедов также вопросы сохранения и забывания родного языка. После распада СССР много работ по этой теме выпустили слависты в разных странах (см., например, Эндрюс 1993, 1999; Караулов 1992; Москович 1992; Найдич 2000; Пфандль 1994; Земская 2001). Исследования, проведенные в Израиле, показывают, что, в среднем эмигранты из бывшего СССР быстро овладевают ивритом в объеме, необходимом для бытовых и профессиональных нужд

(Марковиц 1997; Хеймец и Эпштейн 2001а), но, несмотря на постепенно растущую свободу и уверенность в использовании нового языка, продолжают демонстрировать сильное желание сохранить русский язык. Независимо от того, какие социальные и возрастные группы опрашивались, русский получал более высокую оценку, чем иврит, за свои эстетические качества и как источник культурных ценностей (Ольштайн и Котик 2000; Низник 2003). По мнению Найдич, можно констатировать появление особого, израильского, варианта русского языка по аналогии с австралийским английским (2004).

Большая часть лингвистических работ, посвященных выходцам из СССР, основывалась на обзорах и структурированных или полуструктурированных интервью. Лишь незначительное количество исследователей выбирали в качестве материала для анализа глубинные неструктурированные интервью, хотя они широко используются в социологических и антропологических проектах по изучению мигрантов. Именно такие исследования позволяют проанализировать, как мигранты подвергаются влиянию окружающего их социума и в свою очередь влияют на него. Рассуждая о роли разных языков в своей жизни до и после эмиграции, люди не только осознанно высказывают свои взгляды, но и обнаруживают фоновую, часто не осознаваемую систему оценок, которую бывает трудно выявить в структурированном интервью (Финдлей и Ли 1997: 34–35; Бугарски 1980: 383). Значение иммиграции во всей ее полноте осознается индивидом лишь по прошествии времени, и, когда иммигрантам предлагают поразмышлять о пережитом опыте, они могут подняться в своих суждениях до аналитического уровня в оценке событий, своих намерений и действий. Необходимо также учитывать, что в современном обществе информация и знания стали одним из самых важных товаров потребления, поэтому возросла и роль размышлений и рассуждений об общественных процессах, а также стремление индивида и общества внести в них изменения на основе новых знаний (Фэрклаф 1999: 74).

Языковая деятельность непосредственно связана с мыслительными процессами. Когда говорящий делает замечания о языке, передает чужую речь, описывает различные аспекты речевых актов и следит за тем, чтобы слушатели правильно истолковали его слова, он невольно занят размышлениями и рассуждениями о языке (Люси 1993: 11). Этот тип мыслительной деятельности неминуемо должен активизироваться, когда взрослый человек начинает учить новый язык, так как обучающийся постоянно сравнивает этот язык с родным или другими знакомыми ему языками. Если процесс обучения языку происходит в период, когда индивид включается в жизнь группы, говорящей на этом языке, он становится более восприимчивым и к культурному влиянию этой группы, так как двуязычие неотделимо от жизни в двух культуросферах (Джеймс 1999: 105)

Анализируя рассуждения наших информантов о языке, мы стараемся определить, какой подход к языку оказывается преобладающим: инструментальный или символический, а также, как языковой опыт, полученный до эмиграции, используется для языковой адаптации в новой стране. Мы покажем, какие ценности приписывают иммигранты каждому из языков в своем репертуаре, и в особенности русскому, ивриту и идишу. С помощью этого анализа мы проследим, чем руководствовались наши информанты, делая ставку на преимущественное использование одного из этих языков в Израиле, и как этот выбор повлиял на их интеграцию в новое общество.

Функциональная дифференциация языков в жизни эмигрантов

До эмиграции большинство наших информантов были русскоязычными монолингвами. Даже те, кто жили в Украине, Белоруссии, Узбекистане и других странах СНГ, не говорили на языке титульных национальностей. Только для Нубара Асланяна родным явля-

ется армянский, а одна интервьюируемая, Лилия В., считает себя полным билингом (русский и украинский)⁴ и шестеро других сообщили, что свободно владеют украинским, белорусским и армянским. Все, проживавшие в союзных республиках, учились в русских школах и среднее специальное или высшее образование получили на русском языке. Пренебрежительное отношение к языку титульной национальности отчетливо проявляется в следующих отрывках:

Роза Ч., 27

Интервьюер: Как у вас дела с белорусским языком?

Роза: С белорусским языком? То есть, я его прекрасно понимаю, я могу спокойно читать. Спустя пять лет в Израиле, я попыталась сказать какую-то фразу по-белорусски – из меня пошел иврит. Но я думаю, что как бы, если бы жизнь заставила, то у меня не было бы с этим проблем, несмотря на то, что я его не учила в школе.

Интервьюер: Вообще? Можно было не учить в школе белорусский?

Роза: Была категория детей военных, которые не учили в силу того, что родители военные. Была категория детей, которых освобождали. Была формулировка: по состоянию здоровья. Ну, я как бы попадала под эту категорию, то есть я решила, что еврейскому ребенку вовсе не обязательно знать белорусский язык. Вместе с тем, когда я поступила в педучилище, и там это уже было обязательно, и я вполне спокойно сдала госэкзамен на пятерку. У меня не было с ним проблем.

Екатерина Р., 24

Интервьюер: Вы узбекский знаете?

Екатерина: Нет.

Интервьюер: Совсем?

Екатерина: Ну, я знаю, там, пару фраз, выражений, а так я язык никогда не учила.

Интервьюер: А в школе не учили? Вас не учили?

Екатерина: У-чи-ла, учила. И в школе, и экзамен сдавали, естественно, все было прекрасно... и стихи наизусть. Но язык, как таковой, я не разговаривала никогда. А разговаривал у нас только папа. Папа знает узбекский, он общался. А мы, как восточные женщины, тихо, мужчины у нас всегда на первом плане... Всегда, кто приходил, чай подали, ушли в комнату.

Хотя причины прохладного отношения к языку своей республики Роза и Екатерина выдвигают разные, можно предположить, что на детей действовала убежденность взрослых в том, что русский язык важнее для их будущего. Действительно, во многих районах русский был не только языком межнационального общения, но основным функциональным языком (Григорян 1996: 42).

Как известно, ситуация коренным образом изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х, и в особенности после распада СССР. Требования большей автономии для республик шли рука об руку с требованиями повысить статус национальных языков и культур. Как указывает Брасс, вероятность возникновения языкового национализма, направленного против центральной власти, особенно велика там, где считается, что элита этой власти вышла из доминирующего этноса и поддерживает централизацию, а также контролирует ресурсы, не допуская к ним других (Брасс 1991: 305). В этот период евреи, так же, как и другие носители русского языка в республиках, стали чувствовать, что из достоинства и преимущества их язык и культура становятся еще одним источником неравенства. Карклинс отмечает, что и на индивидуальном, и на групповом уровне этнические отношения в СССР были связаны с оценкой собственного положения. Эта оценка делалась на основе культурных, экономических и политических ценностей и видения собственных интересов. Изменения в распределении этих ценностей, вызванные колебаниями политической ситуации, экономическими ограничениями и демографическими изменениями, приводит к переоценке статуса этносов (Карклинс 1986: 210). Распад СССР привел к полному изменению статус-кво и серьезным нару-

шениям этнической гармонии. Евреи всегда опасаются, что усиление любого вида национализма, прежде всего, скажется на ухудшении их положения. Поэтому растущий национализм, в частности лингвистический, назывался некоторыми нашими информантами как одна из основных причин эмиграции.

Евгений Л., 66

Однажды я был в подземном переходе на площади Октябрьской революции в Киеве. Это были времена, когда все говорили о становлении украинской самостоятельности и о формах ее проявления. И собирались большие толпы людей в центральной части города, дебатировали «за» и «против». И вот, в частности, я возвращался откуда-то поздно вечером из гостей и оказался в подземном переходе, (пауза) и там собралась большая толпа, говорящая по-украински. И-и-и обсуждался вопрос, на каком языке должно быть вещание, и что должно быть государственным гимном, и прочие другие вещи. И-и-и все так заинтересованно к этому отнеслись, а я стоял со стороны и вдруг я почувствовал: где же я? И ответа на этот вопрос не последовало. Меня там не было.

Хотя Евгений достаточно хорошо владел украинским, чтобы понять все нюансы дискуссии, он не мог представить свою жизнь в полностью украинизированном Киеве.

Надо отметить, что и после эмиграции многие сохранили имперские взгляды на языки народов СССР и особенно достается украинскому. Так, Ада и Григорий Г. с насмешкой говорили о том, что чувствуют потребность обращения к нему лишь для передачи табуированных понятий. Анатолию П. не хотелось дружить в школе с теми сверстниками, у которых был не привычный, ленинградский, а южный говор. Татьяна и Сергей Б., также бывшие ленинградцы, сокрушались, что украинский акцент в речи переняла у своих одноклассников их дочь-подросток, и даже высмеивали девочку в надежде отучить ее от «вредной привычки» (запись из дневников). Во всех этих случаях отношение к украинскому языку и

акценту являются еще одним показателем презрительного отношения центра к периферии. Добавим также и политическое значение акцента. Из-за ошибок в речи Хрущева, Брежнева и других партийных руководителей, у южно-русской речи появилась репутация «некультурной», что неоднократно обыгрывалось в анекдотах. Как отмечает Гусейнов, в постсоветском дискурсе в России украинский акцент принял на себя роль маркера взаимоисключающих для общественного сознания концептов: советского централизованного правления и сепаратистских устремлений других республик СССР (Гусейнов 2004: 64). Эти тенденции не могли не повлиять и на языковое сознание наших информантов (см. также Фиалкова 2005).

Вместе с этим, у некоторых информантов желание говорить на украинском языке не исчезло, а даже усилилось после эмиграции. Об этом говорили университетский преподаватель Анастасия Ф. и уборщица Лидия Н. Зубной врач Яков М. с гордостью показывает пациентам написанные им до эмиграции учебные пособия на украинском языке, а Ирина К. по просьбе друзей часто исполняет украинские народные песни (записи из дневников). Наконец, в качестве еще одной иллюстрации ностальгии по второму языку, приведем отрывок из интервью Лилии В. Она является полным билингом в русском и украинском языках. Дома Лилия слушает кассеты с записями украинских песен, а чтобы поговорить на украинском ездит из Хайфы в город на юге Израиля, Ашкелон.

Лилия В., 22

Лилия: Муж моей лучшей подруги говорит на украинском.

Интервьюер: Здесь постоянно?

Лилия: Он живет в Ашкелоне.

Интервьюер: И говорит, все время говорит на украинском?

Лилия: Да, он уже научился говорить на русском, потому что есть люди, которые его вообще не понимают, а раньше он вообще не говорил.

Интервьюер: Он из Львова или откуда?

Лилия: Из Львова, львовянин.

Интервьюер: А во Львове можно было не знать русского?

Лилия: Запросто.

Интервьюер: Потому что в Киеве нельзя было.

Лилия: Во Львове, практически, никто не говорил на русском. То есть на улице можно услышать русскую речь, но во всех заведениях все говорят на украинском. В принципе, язык сам употребляют, но больше всего это украинский.

Во многих интервью прозвучали рассказы о занятиях языком во время подготовки к эмиграции. При этом некоторые признавались, что впервые серьезно отнеслись к изучению иностранного языка. Не все выбрали при этом изучение иврита. Часть эмигрантов, в особенности люди среднего и пожилого возраста, надеявшиеся продолжить карьеру на поприще науки и в области высоких технологий, сделали ставку на изучение английского языка. В отрывках, которые приводятся ниже, объясняются причины такого решения.

Лилия Л., 43

(об отце)

То есть он занимается своей теоретической физикой, он физик-теоретик. Правда, сейчас он уже хочет читать лекции, но на английском, поскольку он для себя решил, что иврит он хорошо не выучит, у него нет на это времени. Он должен заниматься или наукой, или изучением языка. То есть, и тем, и другим он не может. Английский у него очень хороший, не разговорный. Он всегда переводил. То есть все эти годы он переводил. Как переводчик он совершенно свободно переводит, у него колоссальный запас слов, но разговорная речь у него, конечно, была очень слабая. Но он поразительной воли человек. Он запретил себе вообще читать на русском языке что-либо. Все свои записные книжки он стал вести на английском языке. Он стал выписывать *Jerusalem Post* (израильская газета, издающаяся на английском языке), только. Книги, литературу художественную тоже только

на английском языке. Он занимался с частными учителями два года. Параллельно с этим он купил себе программу английского языка на компьютере и каждый день два часа, несмотря на то, что он работал, он же работал по грантам, несмотря на эти условия, он должен был что-то предоставить. (...) Каждый день два часа он занимался английским. Каждый день. Это дало поразительные результаты, поразительные.

Евгений Л., 66

Интервьюер: А ты иврит начал учить еще там?

Евгений: Очень немного, потом быстро его оставил. Понял, что я не преуспею в той мере, в которой он мог бы мне быть полезен на первых порах и переключил... и совершенно сознательно переориентировался на интенсивное изучение английского, поскольку знал, что в Израиле он в ходу. И я в короткий промежуток времени очень подогнал английский, и выяснилось, что это оказалось правильно, потому что потом это был язык, на котором я общался и делал какие-то практически шаги жизненные.

Среди молодых информантов, сосредоточившихся на изучении английского языка, были те, которые считали, что для них важнее интегрироваться в международное сообщество в своей отрасли, нежели в израильское. Более того, так как многие оказались в Израиле лишь потому, что «закрылась» Америка, иммигранты не исключали возможность повторной эмиграции в страны Запада, прежде всего в Америку и Канаду. Как уже указывалось в главе 1, пятеро из наших информантов уехали из Израиля в Америку и Канаду. Земская отмечает, что многие эмигранты из России, уезжающие в страны, язык которых не имеет статуса языка международного общения, например, в Финляндию, Норвегию и т. д., концентрируют усилия на освоении английского языка, а не языка принимающего общества (Земская 2001: 42).

Функциональный билингвизм (русский + английский) оказался, однако, не только преимуществом, но и демотивирующим факто-

ром, осложняющим интеграцию в израильское общество. София Е., например, рассказала, что в первый же период жизни в Израиле поняла, что в государственных и общественных учреждениях могла добиться гораздо большего, когда свободно говорила по-английски, чем, когда с усилием подбирала слова и выражения на иврите. Она призналась, что пользовалась английским даже в разговоре с русскоговорящими сотрудниками, считая, что престижность этого языка в Израиле автоматически поднимала и ее статус. Некоторые иммигранты, в особенности преподаватели английского языка, теряли мотивацию к усовершенствованию в иврите, считая, что это отрицательно повлияет на владение английским.

Нина К., 60+

Интервьюер: Ниночка, вы, наверное, не испытывали особых сложностей в...из-за недостатка языка, потому что вы приехали с английским.

Нина: Да, да. Мне причем сразу, когда я здесь э-э, ну, с одним чиновником встретила, он сказал:

– «Ну, все! Гиблое дело, иврита вы знать не будете».

Я говорю:

– «Почему?»

– «Потому что вы знаете английский».

Интервьюер: И он был прав?

Нина: Он был прав.

Интервьюер: А пытались? Учились? В *ульпан* ходили?

Нина: Вы знаете, собственно, я не могла особенно ходить в *ульпан*.(...) и еще одна вещь: я почувствовала, что у меня английский куда-то уходит. Я хочу, я знаю два слова на иврите. Интересно, что я стараюсь говорить на иврите и уже забываю, как сказать это по-английски.

Те информанты, которые сделали в свое время ставку на английский язык, убеждены в том, что это способствовало их успешной профессиональной интеграции. Их мнение подтверждается выводами социолингвистического анализа интеграции ученых из

бывшего СССР, проведенного Хеймец и Эпштейном (2001a). В то же время эти информанты признаются, что и через 10 лет после иммиграции ивритом они владеют посредственно, и вынуждены постоянно совмещать все три языка. Для тех, у кого высока профессиональная ориентация, особенно если эти люди работают в наукоемких областях, работа над языком нередко продолжается годами как часть повышения квалификации, при этом второй и третий язык редко становятся языками неформального общения и досуга.

Инна Р., 49

(рассказывает о том, что регулярно посещает курсы повышения квалификации)

Интервьюер: Ну, все эти курсы, они на иврите?

Инна: Все.

Интервьюер: И тебе достаточно?

Инна: Нет, ну, как я пишу? Я вспоминаю свои первые курсы по *пирхей бар* (иврит, «дикорастущие цветы»), это было... какой год? (...) Это было в начале 93-го года, 94-й год. Иврит был слабый, мне очень сложно было воспринимать. Потом есть литература на английском. Ты возвращаешься, смотришь и вот есть такое, и находишь серединку эту. (...)

Интервьюер: То есть в основном то, что ты читаешь профессионально, ты читаешь по-английски.

Инна: Конечно, я предпочитаю ВСЕГДА по-английски. Всегда. И прошу, чтобы мне не давали, вот эти... на иврите. Но уже если дают, то я тоже понимаю, но у меня занимает больше времени, потому что это уже как бы все слова, которые применяешь при лечении и объяснении пациентам. Это несложно.

Интервьюер: А лекции, которые ты слушаешь, ты ведешь записи...

Инна: На русском.

Интервьюер: И параллельно сразу же пишешь по-русски.

Инна: Да, иногда. Если слово не знаю, то пишу его русскими буквами, а потом уж... (проверяю).

Лаура М., 55

Интервьюер: А на работе вам иврит нужен?

Лаура: Ну, да.

Интервьюер: В каком объеме? Вы...

Лаура: Полный день.

Интервьюер: Полный день. И читать, и писать? Или только разговаривать?

Лаура: Читать. И я на *махшее* (иврит, «компьютер») работаю.

Интервьюер: Сколько, примерно, прошло времени, чтобы вы почувствовали себя с ивритом комфортно?

Лаура: Я не почувствовала себя с ивритом комфортно.

Интервьюер: Так и не почувствовали?

Лаура: Конечно же. Но, во всяком случае, мне уже легче понять на иврите, чем на китайском.

За последние несколько лет эмиграция из бывшего СССР резко упала, и многие *ульпаны* закрылись, но в русскоязычных газетах продолжают рекламировать частные курсы иврита от «начального до высшего уровня». Выпускаются и многочисленные словари и учебные пособия, написанные не только теми, для кого иврит является родным языком, но и иммигрантами со стажем. Причем часть этих пособий предназначена для тех, кто хочет использовать иврит не только на работе, но и в часы досуга (например, словарь Баруха Подольского «С газетой на ты», помогающий русскоговорящему читателю разобраться в мире израильской прессы, и книга Аркана Карива: «Слово за слово», знакомящая читателей с языком улиц, дискотек и включающая в виде приложения израильские «блатные» частушки и т. д.). Отметим еще одну группу иммигрантов, не перестающих заниматься ивритом, не преследуя при этом прагматических целей. Эта группа – пенсионеры. Некоторые пожилые иммигранты с самого начала смирились с тем, что не смогут одолеть новый язык, другие же ходили в специальные группы

ульпанов, а затем продолжили занятия самостоятельно или с друзьями. О том, что непрерывная работа над языком доставляет им удовлетворение и помогает заполнить жизнь, говорили Элла В., (она занимается не только ивритом, но и идишем), Галит Б., Гаяне А., Римма и Раиса Г. Есть у нас записи на эту тему и в дневниках.

Раиса Г., 69

И сюда я приехала, я стала слушать иврит. И буквально упиваться языком. Мне так все нравилось. Мне так все нравилось! Ну, и все. Постоянно почти нереальные задачи: мне сразу же захотелось обязательно свободно читать на иврите. А это было последнее, что надо делать. И поэтому немножко не так я отнеслась к занятиям. Надо было все, что дают в *ульпане* тут же говорить и претворять в разговорный язык. А я увлеклась чтением. И сейчас я добилась того, что я, в общем, читаю литературу. Но, конечно, еще со словарем. Но все-таки читаю книги. Получаю удовольствие от самого языка.

Занять пенсионеров – важная задача общества, помогающая оградить их от депрессий. В случае с пенсионерами-иммигрантами эта задача особенно важна, так как они болезненно реагируют на потерю привычного круга общения. Наряду с организациями Ветеранов ВОВ и различными клубами, созданными для пенсионеров при общинных центрах, эту задачу выполняют и занятия языком.

Большинство интервьюируемых сообщили о попытках учить иврит до эмиграции. Первой трудностью на этом пути оказалось овладение новой письменностью, начиная с алфавита.

Лаура М., 55

(рассказывает о том, как постепенно привыкала к мысли об эмиграции)

Лаура: А потом даже мы ходили на какие-то курсы, да. Мы что-то там какие-то буквы или какую-то историю нам рассказывали. Да, дали нам алфавит. В общем, что-то мы там пытались.

Интервьюер: Немножко начали заниматься языком?

Лаура: Нет, языком это нельзя назвать.

Интервьюер: Ну, буквы.

Лаура: Ну, буквы. Кстати. Эти буквы, которые мне там подарили, провисели год или два года. Я их повесила в кухне, там, где я больше всего бываю, прямо, вот, перед глазами. И за все эти два года я ни одну из этих букв не смогла бы написать. То есть, мне казалось, что это вообще невозможно, невозможно.

Элла В., 69

Мы же привыкли – латинские (*пауза*). Значит, у них там произношение какое-то. Я учила французский там, ну, хоть что-нибудь. А когда первый раз посмотрела на буквы – ну, иероглифы! Вот такое было впечатление. Иероглифы. Я думала, что я никогда не напишу алеф, бет. (...) Я стояла и смотрела на девочек, которые (*пауза*) регистраторы. Они сидели в ряд, рядом. Было очень много народу. Писали наоборот. И я не могла понять, как можно левой рукой писать сзади наперед. (*Интервьюер смеется*) Для меня это было, для меня это было непознаваемо. И когда я сейчас пишу правой рукой сзади наперед (*смех*), я получаю такое наслаждение. Я (*пауза*) переборола себя и от этого я, конечно, просто счастлива.

Характерно, что для сравнения Элла выбирает латинский алфавит, а не кириллицу. Хотя латинский алфавит и является «чужим», но частичное совпадение с кириллицей и элементарные знания французского, полученные во время учебы, делают его более доступным. Не только Элла, но и Анатолий П. сравнивает иврит с иероглифами. Используемое как эпитет, это слово имеет отрицательные компоненты значения. По наблюдениям Найдич, таким же отрицательным значением обладают и выражения сказано/написано не по-русски/по-еврейски (Найдич 1998: 292). Неуважительное отношение к чужому алфавиту звучит и в рассказе Софии Е., которая описывала свои первые попытки учиться писать

ивритские буквы как «сiju вечерами и уши рисую», ассоциация, вызванная графическим образом букв бет, каф и пэй.

Следующая тема, неоднократно звучавшая в рассказах, – превращение преподавания иврита из преследуемого властями занятия в выгодный бизнес. Напомним, что до перестройки преподавание иврита считалось частью сионистской пропаганды, а потому было запрещено. Были случаи тюремного заключения людей, организующих группы обучения ивриту (см. Хеймец и Эпштейн 2001; Улановский 1982). Одна из информанток рассказала нам, что среди жертв репрессий был и член ее семьи.

Юлия Х., 53

Я помню бабушкин брат, красавец; до сих пор портрет у мамы хранится, хранился у бабушки, то мама хранит. Красавец! Он просто шел по улице. Его забрали с улицы. И по сей день. Исчез с лица земли. Даже не знаем, где могила. Потому что он обучал ивриту детей. Дедушка тоже обучал. После того, как он исчез, бабушка вообще запрещала дедушке выйти на улицу. «Лучше сиди. Что я сделаю, если схватят? Потом квартирантов или все». Не пускала много времени. Очень долгое время дедушка не выходил на улицу. Это бабушка рассказывала.

Так как система еврейского образования в СССР была разрушена, к моменту начала массовой эмиграции в Израиль в конце 1980-х профессиональных преподавателей иврита практически не было. Лишь некоторым информантам посчастливилось попасть в группы, организованные Еврейским Агентством, остальные учились у непрофессионалов. Многие рассказы о таких занятиях курьезны. Одна семья нашла пенсионера, бывшего сотрудника МИДа СССР, работавшего в Израиле в 1950-годы до разрыва дипломатических отношений и овладевшего за время службы азами иврита. Рассказывая о нем, его бывшие ученики веселились от того, что звали учителя Василий Иванович, очевидно вспоминая при этом Чапаева. Надо отметить, что во всех тех случаях, когда

иврит преподавали неевреи, рассказчики акцентировали эту деталь, как заслуживающую особого внимания. В конце 80-х – начале 90-х стереотипным оставалось представление о том, что владеть ивритом могут только евреи – подвижники культуры и традиции. Любопытен также рассказ Леонида Б. о молодой энтузиастке иврита из Ангарска. Студентка-гуманитарий, она решила учить иврит для самообразования. Занималась самостоятельно, а каждые три месяца ездила в Новосибирск на краткосрочные интенсивные курсы, организованные Еврейским Агентством. Параллельно с этим она набирала частные группы. Можем только догадываться об уровне занятий, на которых учитель шел впереди учеников лишь на несколько уроков. Некоторые предприимчивые эмигранты, далекие от педагогики, считали, что преподавание – лучший способ закрепить еще не устоявшиеся знания. Спрос на уроки иврита в тот период был так высок, что они не могли пожаловаться на недостаток учеников.

Галит Б., 60+

А потом дочка решила организовать у нас дома *ульпан*. В каком смысле? Ей не деньги нужны были. Эти люди брали по пять рублей, по десять рублей за урок. Она брала три рубля с человека. То есть ей надо было кому-то рассказывать. Ей надо было просто для себя еще раз повторять, еще раз говорить, проговаривать все это, м-м, весь этот язык повторять. Таким образом, она им рассказывала, но она больше э-э, запоминала.

Некоторые самодеятельные учителя действительно были преданы новому делу, и считали своим долгом знакомить учеников не только с языком, но и с историей, и культурой еврейского народа. Именно эти уроки с благодарностью вспоминают наши информанты. Рассказы об Израиле, а также изучение еврейских легенд и знакомство с израильскими песнями помогали преодолеть беспокойство, связанное с предстоящим переездом в незнакомую и непонятную страну.

Оценка информантами доэмиграционного этапа изучения иврита оказалось очень разной. Некоторые считают, что смогли освоить основы грамматики и приобрести запас бытовой лексики, достаточный для общения на первых этапах иммиграции; другие сетовали на даром потраченное время и необходимость начинать в Израиле с самых азов. В целом воспоминания о первых месяцах израильской жизни «без языка» до сих пор преследуют наших информантов. Вот несколько примеров, позволяющих представить степень их беспомощности.

Людмила З., 44

Людмила: Ну, первые три года примерно... я сейчас понимаю тех людей, которые мне говорят то же самое: «А зачем я сюда приехал? И ничего я не хочу, и верните меня обратно». Но через три года у меня совершенно изменилось мнение. И я скажу, почему, элементарно.

Интервьюер: Почему?

Людмила: Совершенно другой образ жизни, другое мышление и нет языка. Что говорят, не понимаешь. Ихнюю ментальность еще не воспринимаешь. И, ну вот, как тебя в темную комнату загнали, уши заткнули, только глаза разрешили открыть. Вот такое ощущение. А сейчас совсем другой разговор. Я могу сказать, что я хочу, я могу понять, что мне ответили. (...)

Интервьюер: И иврит вы учили только в *ульпане* или дополнительно?

Людмила: Нет, никакого *ульпана* у меня не было вообще, несмотря на то, что я здесь закончила курсы. А так случилось, что, когда мы приехали, мы по ошибке кого-то не зашли в компьютер. То есть три месяца мы не получали корзину (корзина абсорбции – пособие, выплачиваемое новым репатриантам первые полгода после иммиграции).

Интервьюер: Ой, бедные!

Людмила: Значит, я пошла по улице и не понимала, почему я не могу найти работу. Потом я каким-то, я не помню, как выудила, или в словаре нашла и написала: «*ани роца авода*» (иврит, «я хочу работу»). Мне подсказали, что надо

идти на промзону. Вот я и явилась туда, а в то время работу без справки об окончании *ульпана* не дают, но на мое счастье попался такой *менахель* (иврит, «управляющий, начальник») (...) Оправдывает свою фамилию: *лев тов* (иврит, «доброе сердце»), его фамилия. Вот. Это сейчас я знаю, что это значит. И поэтому вначале иврит был... Год был, год был не иврита, а глухонемого человека. Вот что-то на второй год понимала, но объясниться, говорить не могла. Разговаривала руками и ногами.

Ася Ш., 56

Ася: Знаете, я была, может, три раза на занятиях, когда мы уезжали. И я даже плохо буквы, я буквы так... Мне показалось, они такие сложные, что я даже не могла понять, что я смогу их когда-нибудь вообще написать. Не то, что там прочитывать. Вот. И я, так что я приехала без иврита, совершенно. А здесь, а здесь ведь нас еще не взяли так скоро в *ульпан*. Потому что это ж был такой наплыв. А мы не относимся к людям первой молодости. Сначала «раскидали» всех молодых. Мои дети пошли в *ульпан* на полтора месяца раньше. Они уже вообще учились, а я – вот с этим «*Иврит хая*» (иврит, «Живой иврит», название учебника). Вот это была моя настольная и надиванная книга. Вот, я сидела, лежала. Нечего же делать, некуда себя деть. По улицам никто не говорил по-русски *бихлаль* (иврит «вообще»), ни одного слова.

Интервьюер: Вы приехали сразу сюда в Нацерет?

Ася: Сразу сюда.

Интервьюер: И в то время здесь по-русски не говорили? Потому что здесь, такое впечатление у меня сейчас, что здесь никто на ИВРИТЕ на улицах не говорит.

Ася: Теперь да. Теперь да. Но тогда, к сожалению, было обратное. Наша соседка, вот, она из России. Очень пожилая женщина, она и сейчас жива, слава Богу. Вот она была единственным источником нашей информации. Мы не могли ни к кому даже обратиться спросить что-то, буквально. Ну, даже где, я знаю, *лишкат авода* (иврит, «биржа труда») или, ну какой-нибудь *мерказ клита* (иврит, «центр абсорбции»)

или, ну ничего. Ну, мертвые совершенно, немые, глухие люди. И мы так дорожили ее знакомством, я Вам рассказать не могу. Когда она к нам заходила, то мы не хотели, чтоб она уходила. Чтоб она только была, чтоб она только нам... чтоб звучала русская речь в Израиле.

Образы глухоты и немоты возникают в этих отрывках не случайно. Напомним, что всех иноземцев когда-то называли на Руси немцами, что было производным от «немого» (см. Фасмер 1973. Т. 3: 62). Особенно болезненно воспринимали невозможность выразить себя и зависимость от других в общении с израильтянами люди, привыкшие к одноязычному окружению и те, у кого не было в Израиле родственников и знакомых, то есть те, кто оказались полностью лишенными привычного круга общения.

В связи с языковыми проблемам иммигрантов вернемся еще раз к этническим проблемам. Выдающийся американский социолингвист Джошуа Фишман считал язык основным символом этноса, в котором фиксируется родовая принадлежность, сохраняется преемственность поколений и выражается феноменология (Фишман 1977: 25). Не случайно поэтому многие информанты, несмотря на сложное отношение к еврейству, говорили о роли иврита и идиша в жизни еврейского народа. В роли носителя традиции и культуры, а также главного компонента еврейской идентичности предпочтение оказывалось на стороне идиша, а не иврита, что противоречит данным Носенко, полученным при интервьюировании российских граждан – потомков смешанных браков (Носенко 2004: 138).

Тамара 3., 51

Тамара: ... я все-таки считаю, что еврейство, оно должно объединять всех евреев. И культура, и все должно быть едино. И я считаю, что раз еврей, – он должен знать идиш. А если не знает идиш, он уже не еврей.

Интервьюер: А ваши дети знают идиш?

Тамара: Мои дети не знают идиш.

Как и Тамара, многие иммигранты, говорящие на идиш, не передали свои знания детям, что не отменяет символического значения этого языка для рассказчиков. Две молодые информантки, София Ш., 31 и Инна Ф., 26 рассказали о том, что неумение говорить на идиш затруднило для них вхождение в семью мужа, так как это было воспринято как знак чужеродности. Убежден в том, что знание идиш является одним из главных признаков еврейства и Моисей В. Критически и свысока рассуждая о евреях из Марокко, он положительно отзывался лишь об одном своем знакомом и подчеркнул, что тот знает идиш. Интервьюер выразила удивление, так как в Израиле широко известно, что эта группа, в дополнение к ивриту, говорит на французском или иудео-арабском языках. В ответ Моисей заявил: «Да, говорил на идиш. Он – еврей».

Идеологизация языка – явление хорошо знакомое антропологам и социологам. Оно не раз подвергалось критике. Андерсон, например, предупреждает, что ошибка многих идеологов-националистов состоит в том, что они рассматривают язык как эмблему нации, как флаг, национальную одежду, фольклорные танцы и прочие явления подобного рода (1999: 133). Наш материал показывает, что этот предрассудок, возвращенный идеологами, падает на благодатную почву обывательского сознания, особенно, когда язык длительное время подвергается репрессиям. В разговорной речи идиш чаще, чем иврит, называется «еврейским языком». Символическая роль «еврейского языка» становится очевидной, когда он называется «таким культурным языком» или характеризуется как язык, на котором нельзя выражать недобрые чувства.

Альберт Р., 72

Я, я вам скажу честно: во всех нациях есть хорошие и плохие... есть и плохие. Есть хорошие евреи, есть плохие евреи. Я здесь встречал плохих евреев, хотя в Союзе у меня не было друзей – плохих евреев. Все были хорошие. Все были хорошие. А здесь я встретил плохих евреев. Ну, и... Я

играю на улице. Я встретил одного еврея, который подошел ко мне, говорит: «Если б ты возле моего дома играл, я бы тебя кипятком облил». Это на ЕВРЕЙСКОМ языке было сказано.

В часто высказываемом нашими информантами мнении о том, что идиш больше, чем иврит, подходит для общения между евреями, слышны отголоски имперского отношения к языкам меньшинств, которое было характерно для многих носителей русского языка в СССР.

Элла, 70+

(рассказывает о том, что без знания иврита трудно объясниться с медперсоналом)

Элла: Вот, муж лежал на операции с сердцем, а он не говорит совершенно. Так он уже начал возмущаться, стал кричать: «Дайте мне русскую! Я должен рассказать, что я у себя чувствую». После операции человек. Ну, так на идиш подошла эта... Но медсестры там есть русские.

Интервьюер: А здесь он идишем пользуется?

Элла: Да-а. Идиш выручает его, конечно. Если бы не идиш, он вообще. Очень идиш выручает. Если начинают на иврите, он говорит: «Идиш, идиш со мной говори». И очень сожалеет, что Израиль не говорит на идише. Очень сожалеет он. «Такой», – говорит, – «язык, такой культурный язык».

Инна X., 52

Большим откровением для меня было, что, когда стала учить иврит, а фотографии-то дома подписаны на идиш, как бы ивритскими буквами. И я помню, когда я к маме пришла и говорю: «Боже, что ж это такое? Язык-то немецкий, а буквы...» А она мне объяснила: «Вот как всегда, умные евреи взяли, значит, буквы иврита, гласные из немецкого...» Что это такое творится, такой немыслимый симбиоз, и придумали себе такой замечательный язык, который, в общем-то, как европейский достаточно легко учить. Буквы тоже, в принципе, можно, ну помучиться немножко ну и просто... А потом, когда я стала в соплях в этом иврите путаться, по-

том, что чем дальше, тем больше! А я все с налету – ха-ха-ха! Так я все говорила: «Господи! Ну вот, вот, общались бы с богом, как и было изначально положено, а уж идиш бы сделали – язык европейских евреев, ну и прекрасно! Стал же русский язык языком всех народов СССР, ну и пусть бы сделали идиш, его все-таки легче выучить».

Даже те из наших информантов, кто не говорит на идиш, сохранили сентиментальные воспоминания о нем, связанные с событиями детства, домашними праздниками и песнями, которые напевали бабушки. Часто упоминают о том, что, говоря с детьми порусски, родители вставляли слова, выражающие эмоции, на идиш. Так, Инна Х. рассказала, что бабушка, когда сердилась, то ругала ее на идиш, а мать учила своего мужа-белоруса, как сказать на идиш «я тебя люблю». Многие говорят о том, что идиш был каналом передачи секретной информации, в частности, использовался родителями для того, чтобы скрыть что-либо от детей. Все единодушно соглашались, что это было великолепным стимулом для детей научиться понимать язык.

Галит Б., 60+

Э-э, идиш я тоже нахваталась, грубо говоря, от мамы и бабушки. Они хотели от нас скрыть. Больше того, у нас была э-э, няня. Она была украинка. Э-э, она к нам пришла в дом пятнадцатилетней девочкой. (...) Она выучила идиш. Почему? Потому что родители хотели идти гулять. А она нас научила, что вот папа с мамой уходят гулять. Они не идут по делу. Они идут гулять. Она нас научила, вот, этим словам (*пауза*) еврейским. И мы говорили, что мы не хотим быть дома, потому что вы идете гулять (*смеется*). Ну. Типа того... и вот так я... Ну, она э-э, когда бабушка с мамой о чем-то хотели говорить, чтобы мы не знали, вот так я услышала. И мне этот язык очень помог, когда мы только приехали в Израиль.

О функции языка служить секретным кодом говорили и горские евреи. Эльвира А. из Дагестана рассказала, что татскому языку мать учила ее специально, чтобы иметь средство общения со «своими», недоступное «чужакам». Особенно значимо, что обучение велось вопреки воле деда, воспринявшего в молодости коммунистические идеи. Он считал, что татский язык – основа еврейской идентификации, а также связан с религиозностью и антикоммунистическими настроениями, и следовательно, противопоказан советскому человеку. Кира Кауринкоски, проводившая полевую работу среди мариупольских греков, обнаружила, что они также перестали сохранять язык из страха осложнить жизнь младшему поколению (Кауринкоски 2003).

После эмиграции необходимость в секретном коде не исчезла, но преимущество оказалось на стороне детей, а не родителей. Часто можно слышать, что родители жалуются на то, что дети быстро говорят на иврите, вставляя при этом непонятные жаргонные словечки, чтобы скрыть от старшего поколения свои тайны. В то же время в компании сверстников дети для этих же целей пользуются русским языком и, таким образом, отделяются от носителей иврита (Низник 2003). Как видим, и первый, и второй языки используются нашими информантами, функциональными билингвами, как секретные коды, и способность использовать язык в этой функции считается важным преимуществом над другими. В этом отношении наши данные расходятся с данными Нидзильски и Престона, которые зафиксировали только одно упоминание о секретной функции второго языка, причем их информантка связывала это с тяжелыми воспоминаниями детства (2000: 142–143).

Некоторые пожилые информанты рассказывают, что в поисках средства общения с израильтянами-старожилами им пришлось вспомнить идиш, которым они не пользовались с детства. «Я, буквально, 50 лет не говорил на идише, представляете? И тут они начали говорить, и я вспомнил», – с удивлением сказал Альберт Р. Язык, на который был наложен запрет властями, и отчасти, став-

ший табу для членов группы, неожиданно превратился в спасительное средство.

Ася Ш., 56

Интервьюер: А идиш вы не знаете?

Ася: Вот, идиш, как вам сказать? Я никогда не говорила на идиш. Но родители мои общались только на идиш. Так что с детских лет я слышала идиш. Это такой, знаете, белорусский диалект или прибалтийский, ближе к этому. Не украинский. Украинский немножко другой. Я его слышала. Кроме того, я учила немецкий. Ну, так случилось. Вот, если б я знала, что такое английский, я бы все сделала тогда, чтобы учить английский. Ну, я ж не знала. (...) Немецкий я не учила, потому что я слышала, как говорят мои родители. Произношение отвратительное, потому что это был идише-немецкий. Отвратительное произношение было, и учительница со мной очень воевала.(...) и она меня поправляла без конца, и ничего из этого не получалось. Я наслышалась дома простой идиш, и я ничего не хотела менять в произношении, мне это просто. Мне это надо было? И я ничего этого не учила. И говорила на немецком как на идиш.

Интервьюер: Ну, и здесь немножко все-таки пригодились

Ася: Не немножко, а очень сильно (рассказывает о знакомстве на улице с женщиной, которая помогла и поддерживала в трудную минуту в один из первых дней жизни в Израиле) И я начала вот так с ней понемножку, на идиш. Ну, нет выхода, совершенно. (...) Ну, как с ней общаться? Вот этот идиш, это было просто, знаете. Такая палочка-выручалочка. И так пошло дело, что в один прекрасный день она мне сказала: «Ася, ты знаешь идиш лучше меня». Я так смеялась, я так смеялась. Ну, я никогда не говорила в жизни, ну, Вы понимаете, такая экстремальная ситуация. Видно, действительно, у меня что-то стало получаться потому, что было трудно.

В то время, как рассказы о возрожденном идиш многочисленны и разнообразны, почти никто из наших собеседников не говорил о

знакомстве с ивритом до того, как было принято решение об эмиграции. Только шестеро интервьюируемых (Инна Х., Анастасия Н., Екатерина С., Юлия Х., Лаура М. и Шимон К.) сообщили, что их родители или бабушки и дедушки учили иврит и получили еврейское образование. Но и в этих семьях иврит не использовался в общении, даже в форме случайного смешения кодов. Более того, так как и идиш употребляли немногие, никто из информантов не говорил об узнавании слов в процессе обучения ивриту (как мы уже упоминали, идиш подобрал много ивритских слов, особенно связанных с религиозными ритуалами, правилами соблюдения кошерности пищи и другими темами, используемыми для описания традиций). Тем не менее, один из наших информантов, Григорий Г., в ответ на похвалу его знанию иврита сказал: «Я слышал такую поговорку: евреи не учат иврит, а вспоминают его». Григорий часто смотрит израильское телевидение и читает прессу на иврите. В его речевом репертуаре много клише израильского дискурса. Возможно, процитированная им поговорка восходит к фольклорному обычаю *шалом захар* (мир младенцу-мальчику). Вечером в первую пятницу после рождения в семье сына в семьях европейских евреев принято есть чечевичу в знак траура. По поверью, находясь в материнской утробе, ребенок мужского пола успевал выучить всю Тору, но в момент его прихода в мир прилетает ангел и ударяет его по губам, от чего эти знания исчезают (Вигодер 1989: 681). Возможно, источником поверья и обычая был вавилонский Талмуд (Нидда 30Б)⁵.

Несмотря на то, что почти никто из наших информантов «не вспоминает» иврит, он также выступает в некоторых интервью как символ воображаемой общины (термин Бенедикта Андерсона 1991: 6).

Мария П., 24

(о решении эмигрировать)

Началось все с того, что мамина сестра начала учить иврит. (...) Мамина сестра, которая вообще никогда не хотела ехать, заявила между делом, что она ходит учить наш род-

ной древний еврейский язык. Причем мы сначала даже не понимали, что это за язык, потому что, ну, идиш – все знают, а вот иврит – непонятно. Это было в 88-м году. То есть, тогда это еще было настолько редко, то есть, в газетах еще не печатали поздравления с пасхой еврейской⁶, то есть это, действительно, было подпольно.

Екатерина Р., 24

(о встрече со старой знакомой во время поездки в Ташкент)

Ну, она била себя в грудь и говорила, что она еврейка, что для нее иврит – родной язык. Я говорю: «Да, – говорю, – ну, вперед, в Израиль». Я говорю, – «поживешь ты пару лет в Израиле, пять лет», – я говорю, – «как я прожила, – поймешь, что русский для тебя – это род... это роднее язык, чем тот, о котором ты говоришь». Для меня русский остался русским, хотя я не отношу язык к каким-то национальным вопросам.

Из обоих рассказов очевидно, что существует наивное представление о том, что родной язык – это язык этнической группы, к которой принадлежит индивид, даже если он им совсем не владеет. О расплывчатости понятия свидетельствуют сравнение языков: один «роднее» другого и фраза «наш родной древний еврейский язык». Родным, как известно, может быть только язык в современной фазе его развития. В обоих случаях «родной язык» приобретает окказиональные коннотации положительной оценки, не свойственные этому словосочетанию в узальном употреблении. Подобные мотивы встречаются и в других интервью. Эльвира Д., например, начала говорить по-армянски в возрасте 7 лет, но так и не научилась читать и писать. Тем не менее, это не мешает ей считать армянский родным языком. Горские евреи неизменно называют татский «нашим языком», хотя некоторые из них лишь понимают его и могут с трудом объясняться. Отсутствие корреляции между уровнем владения языком и восприятием его как родного

описано в социалингвистической литературе Фишманом (1972: 104–105) и Эдвардсом (1985: 110–113).

Лингвистическую наивность проявляют не только обыватели, но и государственные чиновники. Вот что рассказала наша информантка о разводе с мужем. Для того, чтобы понять суть происходившего, необходимо пояснить, что он воспитывался приемными родителями в смешанной украинско-азербайджанской семье.

Екатерина Н., 46

Екатерина: Что касается Виталика, мне кажется, что ему было все равно, куда уехать, лишь бы уехать. Постольку, поскольку мы выезжали в Израиль, он ухватился за это. А так как брак был не фиктивный, а настоящий, то вот так с собой вместе мы вывезли и его. Здесь уже, когда получали паспорт, ему просто посоветовали взять национальность матери. Так у него в *теудат-зеуте* и написано: «украинец по маме».

Интервьюер: «Украинец по маме»? Так и написано⁷?

Екатерина: Да, так и написано. А потому, что тот (приемный отец) азербайджанец, чтобы не оказаться мусульманином. Ага, вот так. Вот, кстати, в дальнейшем, когда я подала на развод, вот, встала перед разводом, мне это очень повредило. Ему кто-то посоветовал сказать, что он мусульманин. Ну, это было для того, чтобы выиграть время, как я потом поняла. Вот. Я, правда, не знаю, зачем ему надо было. Ну, видать, он думал, что-то образуется. И вот, заявив, что он мусульманин, – там на паспорт не очень-то смотрели, – все стали переводить на арабский. Мне стало смешно. Я говорю: «Чего же вы переводите на арабский? Он же не читает по-арабски. Вы уж переведите тогда на турецкий!» Мне тогда ответили, что в Израиле только два языка: арабский и иврит. Коль он мусульманин, значит, да. Но дело в том, что, если иврит он хоть немножко знает, арабский он вообще не знает. Только те слова, которые немножко похожи на турецкие. Но это я тоже знаю. Ну, вот так вот.

Отношение бывшего мужа Екатерины к религии и этничности было чисто прагматическим. Сначала он записался украинцем, чтобы дистанцироваться от отца и не получить во внутреннем паспорте запись «мусульманин», затем, с той же легкостью, заявил о своей принадлежности к мусульманству, чтобы выиграть время в суде. Этот инцидент еще раз показывает, что и в быту, и в общественной жизни понятия национальность, этничность, религия часто путаются или оказываются взаимозаменяемыми. Более того, принадлежность к этнической группе иногда автоматически предполагает владение языком этой группы.

Интересный эпизод, иллюстрирующий взаимодействие инструментального и идеологического подходов к языку описывает Леви Улановский. Когда в 1977 г. его вызвали в КГБ, чтобы он выступил свидетелем обвинения по делу его друга Анатолия (Натана) Щаранского, он потребовал, чтобы ему был предоставлен переводчик с иврита на русский. Улановский мотивировал свою просьбу тем, что иврит – его родной язык, хотя выучил его уже взрослым. Он надеялся, что эта уловка усложнит возможность фальсификации его ответов в материалах КГБ (Улановский 1982: 258–259).

Как показывают социолингвистические исследования, декларации индивида по поводу того, какой язык является для него родным, во многом зависят от идеологической ситуации в многоязычном обществе и могут со временем меняться. Подвижность понятия «родной язык» усиливается в переходные периоды, к которым относятся и эмиграция, и распад многонационального государства. Хорошо иллюстрирует эту закономерность исследование, проведенное Григоряном среди двуязычных граждан бывшего СССР. В 1989–1990 гг. большинство опрошиваемых заявляли, что их родной язык – русский. После распада СССР, однако, заметно увеличилось число тех, кто называл родным язык своей этнической группы. В Казани, например, все 400 опрошенных татар назвали родным языком татарский, хотя 35% респондентов сообщили, что владеют им лишь в ограниченном объеме и не используют его в качестве языка общения (Григорян 1996: 44–45).

В Израиле одним из проявлений идеологического отношения к родному языку было то, что долгое время в обучении иммигрантов ивриту применялись методики, разработанные для обучения родному языку, а не иностранному. Более того, считалось, что такой подход способствует формированию израильской идентичности, основанной на сионистской идеологии. Лишь в последнее десятилетие происходит постепенная переоценка концепций обучения иммигрантов ивриту (Спольский и Шохами 1999: 65–94).

Примеры смешения родного языка и языка этничности можно найти и в российской социолингвистике. Так, Земская, внесшая серьезный вклад в изучение русского языка среди эмигрантов, полностью исключила из своих исследований этнических немцев и евреев даже в тех случаях, когда русский был их первым языком и оставался языком домашнего общения (2001: 44).

Престиж и функциональность языков могут варьировать в различных группах в пределах одного языкового сообщества (Фишман 1972: 98). Любой эмигрант, осваиваясь в новом для себя окружении, осознанно или подсознательно выбирает одну из двух стратегий языкового поведения: конвергенцию, то есть ориентировку на социальную интеграцию, или дивергенцию, то есть стремление социально дистанцироваться от принимающего общества (МакКан и Хиггинс 1990; Хайнц 2001). Несколько более детальную классификацию языковых стратегий иммигрантов предлагает Пфандль: ассимилятивная, анти-ассимилятивная и сознательно-двуязычная. По его наблюдениям, две первые стратегии, несмотря на кажущуюся полярность намерений, приводят к одинаковому результату – потере первого языка (Пфандль 1994: 104–108). Различные языковые стратегии проявляются не только в речевом поведении иммигрантов, но и в творчестве писателей-эмигрантов, продолжающих писать по-русски (Москович 1992: 129).

В нашем материале есть несколько рассказов, в которых на начальном этапе иммигранты руководствовались стратегией конвергенции, всячески пытаясь создать круг общения в среде израильтян-старожилов, а затем, ссылаясь на разницу менталитетов, пе-

реключились на стратегию дивергенции, сосредоточив общение в кругу выходцев из бывшего СССР. Дана Л. рассказала, что сначала хотела дружить только с израильтянами и во всем походить на них. Она сменила имя, брала уроки фонетики, чтобы избавиться от русского акцента в иврите, и старательно следовала израильской моде в одежде и аксессуарах. Когда же цель была достигнута, и в ней перестали узнавать «русскую», она вернулась к старым друзьям в среду русскоговорящих. О попытках сблизиться с израильтянами рассказывали и люди среднего возраста. Многие хотели понять образ жизни новых соотечественников и их ценности, а нередко это было и попыткой поднять свой социальный статус. Называют информанты и еще одну причину, чисто прагматическую: общение со старожилками помогало им в освоении языка.

Гаяне А., 77

(об интеграции младшего поколения своей семьи)

Гаяне: Не знаю, в какой степени они ассимилируются. Сама Надя (невестка Гаяне), я помню, мы еще жили на той квартире, как-то пришла и говорит: «Ну, все, иврит я понимаю, теперь я могу в гости к ним не ходить».

Интервьюер: Ой! (*смеется*)

Гаяне: То есть, я могу теперь, подтекст такой: я могу себе выбирать знакомых по интересам, а раньше они в гости ходили, куда бы их ни приглашали. Правильно делали. Правильно, им нужен язык.

Такой открытый расчет прозвучал в интервью только один раз, другие информанты, рассказавшие о схожем опыте, были более тактичны. Общим во всех этих рассказах остается то, что, когда улеглась первая эйфория, вызванная у израильтян началом долгожданного исхода советских евреев, а у иммигрантов теплотой оказанного им приема, и те и другие вернулись к своему привычному кругу общения. Для иммигрантов это также стало началом разделения функций русского и иврита. Ивritу отведена роль языка делового общения, которым пользуются на работе, и учебе,

а русский остался языком домашнего общения и досуга. Сразу же оговоримся, что в некоторых семьях установка на конвергенцию соблюдалась и продолжает соблюдаться. Иногда можно слышать родителей, беседующих со своими детьми на иврите, причем часто их речь демонстрирует и бедность словаря, и грубые ошибки в грамматике. Еще чаще можно слышать в неформальном общении постоянное переключение кодов, когда и дети и взрослые пересыпают речь ивритскими словами и фразеологизмами, снабжая их русскими окончаниями и аффиксами. В то же время иммигранты, работающие в сфере обслуживания, медицине, и компаниях высоких технологий часто используют русский язык на работе. Как справедливо указывает Ременник, повышение престижности русской общины отразилось и на изменении статуса русского языка в Израиле. Он вернулся в жизнь эмигрантов 1970-х, в свое время от него отказавшихся (2004).

Несмотря на постепенно происходящие изменения в отношении к русскому и ивritу, в нашем материале деление на функциональные сферы оставалось тем же самым, т.е. русский остается языком домашнего общения и досуга.

Полина Б., 25

Мои родители ужасно тяжело адаптировались и не могли учить иврит, им было очень тяжело: продукты не нравились, помидоры невкусные, огурцы невкусные, хлеб – вата. Все постоянно они хаяли, все им ужасно не нравилось. Я жутко переживала, что заставила их приехать сюда. Вроде, потихонечку, они стали привыкать, стали покупать продукты в русских магазинах, общаться только с русскими, естественно. Папа читает только русские газеты и, естественно, (говорит с сарказмом), мы поставили *квалим* (иврит, «кабельное телевидение») и смотрим только русскую программу. Когда я пытаюсь переключить, даже на *аруц штайм* (иврит, «второй канал», в программе которого много фильмов и развлекательных передач), то родители просто не позволяют и начинают кричать в два голоса, чтобы выключила этот

ужасный язык. Но и у меня, соответственно, компания чисто русская.

Елена А., 21

Интервьюер: Я так понимаю, что ты ходишь или ходила бы в театр на русском языке, что ты читаешь русскую литературу. Ты от этой культуры русской, которую мы там впитали, ты от нее не отстраняешься?

Елена: Нет, конечно, нет. Книги я читаю, конечно, по-русски. Это не из-за того, что я не могу прочесть книгу на иврите. Просто как-то обычно читаешь художественную литературу, чтобы получить от этого удовольствие. То есть от прочитанной книги на иврите, может, я и получу удовольствие. *Аваль* (иврит, «но») все равно это будет не то. То есть, нет того понимания языка еще. Да, нет, наверное, такого понимания языка как, конечно, русский. Это родной язык, правильно? Книги я все-таки читаю на русском языке, музыку, на самом деле, я предпочитаю слушать на русском языке. И... в театр, да, если пойти, так на русском языке, однозначно.

Несмотря на то, что обе информантки молоды и учатся в университете, а значит, не должны испытывать трудности с языком, в быту они не переключились на иврит. О том, что продолжают читать книги на русском языке, говорили и другие молодые информанты, например Евдокия Х., 11; Ирина Г., 18; Шимон К., 18; Виктор П., 18; Леонид Х., 22 и др. Студентка Симона К., 23 прямо говорит, что у нее не укладывается в голове, как иврит может стать языком досуга. Процитированная выше Полина Б. демонстрирует большую готовность к этому, но ее сдерживает обстановка в семье. Елену А. интервьюировала студентка, которая и подняла излюбленный вопрос иммигрантов о русском языке как части русской культуры. В иммигрантском дискурсе оба они приобретают сакральное значение. В этой роли язык выступает многие столетия. Как указывает Андерсон, великие общины эпохи классицизма, полагавшие, что являются центром мироздания, представляли, что с внеземными силами их связывает священный язык (1991: 13). А в светских обществах культура и язык наследуют сакральную роль религии

(Смит 2002). В советском обществе при полном отрицании религии, а также в отсутствие рыночной экономики и капитала, на качественно новую ступень поднимается престиж культуры как основной символической силы. А интеллектуалы, как бы ни складывалась их личная судьба, были необходимы власти как создатели и носители национальных символов и мифов (Брудный 1998:15).

Чрезмерная концентрированность на культуре и языке страны исхода может привести к геттоизации иммигрантской общины. Как мы уже упоминали, это тревожит израильское общество, вызывает беспокойство и внутри общины. Так, журналист Марьян Беленький призывает соотечественников не замыкаться в своем кругу и учить иврит, несмотря на тяжелую работу, русское телевидение и обилие интересных книг на родном языке. Он предупреждает читателей: «Не зная иврита, вы (...) не будете понимать собственных детей, пожизненно будете обречены на тяжелый физический труд безо всяких социальных гарантий. Сегодня вам кажется, что ваша «русская» контора дает вам гарантированный доход. Но что вы будете делать, когда она закроется? Пойдете в другую? А если ее не будет? А что вы будете делать через 10–20 лет, когда русские конторы начнут закрываться одна за другой, а нынешние клиенты уйдут на пенсию или отправятся в лучший мир?» (Беленький 2003)

Резко осуждает «эту русскую общину» за отсутствие желания войти в израильское общество и отсутствие интереса к израильской культуре и наш 18-летний информант Шимон К. В то же время он говорит о своем одиночестве среди студентов. Разговоры о «русских» клубах и дискотеках его не интересуют, но и среди израильтян он чувствует себя чужаком. Отчасти это объясняется тем, что он религиозен и принадлежит к ортодоксальным евреям, которых мало среди студентов Техниона. Все члены семьи Шимона владеют ивритом, но домашним языком в семье остается русский, а иврит является языком молитвы. Несмотря на молодость, Шимон сожалеет о том, что его будущие дети вряд ли будут говорить по-русски, так как среди ортодоксов слишком мало молодежи из

бывшего СССР, и он не надеется найти невесту-носительницу русского языка.

Комические языковые промахи

Указатель фольклорных сюжетов Аарне-Томпсона включает анекдоты, в основе которых лежат языковые недоразумения – АТ1699 (Аарне и Томпсон 1964), а Бен-Амос выделяет как поджанр иммигрантского фольклора диалектные истории: «Хотя в большинстве случаев забавна сама ситуация нарратива, рассказчики усиливают комический эффект, окрашивая речь на новом языке интонацией и звуками, характерными для родного языка» (1973: 124). По наблюдениям Бен-Амоса, такие нарративы характерны для второго поколения иммигрантов, владеющих нормативной речью принимающего общества, но хорошо знакомых с нюансами акцента своих домашних. В Израиле велико разнообразие акцентов в иврите, и диалектные рассказы – чрезвычайно популярный жанр среди старожилов. Любят рассказывать истории о языковых курьезах, приключившихся с ними или их знакомыми, и выходцы из бывшего СССР. Мы уже цитировали некоторые такие рассказы в других главах, например, в третьей и шестой, и добавляем эту подборку здесь для того, чтобы продемонстрировать, что языковые ошибки дают толчок самоиронии и более осознанному отношению к языку. Лингвистической основой двуязычного юмора приводимых здесь рассказов являются омонимия, семантические контрасты фонетически близких лексических единиц контактных языков и нарушение или морфологическая асимметрия звукового ряда. Фонетический образ слова в одном языке может соответствовать фразе или предложению в другом, и людям, слабо владеющим иностранным языком, свойственно наполнять совпадающие в двух языках фрагменты значением, которое они имеют в родном языке.

Виталий Б., 79

Виталий: А с ней (с женой) приключилось, и очень смешное, буквально тут вот, на этой квартире. У нас тут э-э, голуби заделали полстены. Целая стая налетела голубей перелетных. Вот тут, где семья живет. Они прилетели и целую ночь носились э-э под окнами. И заделали стены и окна, все у нас это, этим (*смеется*).

Интервьюер: Пометом.

Виталий: Пометом, красным таким.

Интервьюер: Ой!

Виталий: Мы думали, что это краска и э-э...

Интервьюер: Это они пометили, что здесь «красные» живут.

Виталий: Да.

Интервьюер: Из России.

Виталий: А над нами же работает архитектурное бюро, если вы знаете. И вот мы с Натальей выходим как-то на лестницу, идет этот э-э, заведующий этого архитектурного бюро. А Наталья думала, что он, это, они ремонт делают. Мы потом уже сообразили, уже (*пауза*), начинает его спрашивать. Хотела сказать, что, вот, э-э, голуби у вас... Вернее начала спрашивать: «Вы ремонт не делаете?» Он говорит: «Нет, мы ремонт не делаем». Кое-как. Она говорит: «А то у нас голуби», говорит. Но вместо «голуби» она сказала: «У нас вши».

Интервьюер: Ах!

Виталий: И он от нее в сторону, на машину, скорей захлопнул дверцу. Это была картина потрясающая (*оба смеются*). Так что, вот, теперь я не знаю, верит он, что у нас вшей нет или все так живет... а там очень похожие слова, оказывается.

Борис П., 50

Ну, э-э, зашел в банк отменить чек. Слово *леватель* я не знал. Я говорю: *лизрок отха*, выброси его.

Борис неправильно переводит себя: сказанное им предложение означает «выбросить тебя». Ошибки в местоимениях часто встре-

чаются в речи иммигрантов и приводят к непониманию и недоразумениям.

Дана Л., 23

Мой папа хотел купить братику компас. А компас на иврите это, э-э, *мацпен*, а совесть *мацпун*. И он пришел на полном серьезе к этому продавцу и с очень серьезным видом спросил: «У тебя есть совесть?» (*смех*) Тот вообще не понял, что он хочет, но они потом договорились как бы.

Чем меньше фонетическая разница между перепутанными словами, тем заметнее семантическая разница между ними. Такие истории особенно хорошо запоминаются, когда нарушаются нормы языкового поведения. Примером этого может быть невольная грубость рассказчиков по отношению к продавцу и банковскому служащему, или введение табуированной темы или понятия, как в истории со вшами: для носителей русского языка педикулез связан с неопрятностью и нечистоплотностью, и никто не стал бы рекламировать обилие вшей в своем доме. Просто слова «*йоним*» (голуби) и «*киним*» (вши) показались информантам неразличимыми.

Анастасия Н., 61

Больше всего я ненавижу *шук* (иврит, «рынок»). То есть, сейчас я хожу уже относительно редко. Раньше, в целях экономии, я ходила один, а то и два раза в неделю. И это был кошмар! У меня от него, от *шука*, осталось такое жуткое впечатление. Когда они кричат: «*Ярад! Ярад! Ярад!*» Я все время не могла понять, чему он так рад? Кричат они таким диким голосом, прямо разрывающим душу. Ну, чему же рад? Только через какое-то время я поняла, что *ярад* – это от слова *йоредет* – спускается; цены спускаются. Я поняла, почему он рад. Ну, вот так вот.

Вычленение в звукоряде незнакомого языка знакомых фрагментов, совпадающих со словами родного языка, часто приводит к недопониманию и курьезам. Даже разный интонационный рисунок

ивритского слова и русского предложения не помешал интерференции. По приезде в Израиль Анастасия была в депрессивном состоянии и с трудом привыкала к новой жизни. Как следует из приведенного отрывка, все вызывало у нее лишь отрицательные эмоции, и поэтому таким несоответствием казалась ей чужая «радость». По прошествии лет, рассказывая эту историю, Анастасия снова сталкивает те же фрагменты для каламбура. Однако теперь языковая игра подчеркивает ее раздражение атмосферой базара.

Исаак Ш., 70+

Расскажу вам фольклор. Я это в *машбуре* (здесь название сети универмагов) наблюдал. Пожилая дама с ужасным провинциальным акцентом (*имитирует*) никак не могла отойти от продавца и по-русски все требовала показать ей какие-то ювелирные изделия. Продавец не понимала ни слова, и у обеих нарастало раздражение. Я подошел и говорю:

– Мадам, оставьте Вы ее в покое! Неужели Вы не видите, что она Вас совершенно не понимает? А она отвечает:

– Не понимает? Тогда пусть в *ульпан* идет учиться! (Из дневников)

Изображая безграмотную речь покупательницы, Исаак характеризует ее как провинциальную, еще раз подтверждая высокий статус центра и низкий периферии в сознании современных носителей русского языка. Помимо этого рассказчик имплицитно указывает на неуместность имперского отношения к языку другого у своей собеседницы.

Татьяна, иммигрантка 1970-х рассказывала о попытках познакомить дочь, родившуюся в Израиле, с пушкинской поэзией. «Унылая пора, очей очарованье...» – декламировала она. На что дочь сказала: «Мама, а почему корова печальная?» (*парá* на иврите «корова»). На этом Татьяна свою просветительскую деятельность решила закончить (из дневников).

Запись забавных детских ошибок в языке ведется во многих семьях. Этот жанр приобрел большую популярность после выхода в свет книги Корнея Чуковского «От двух до пяти» (Чуковский 1990). Обширную коллекцию можно собрать и записывая попытки маленьких билингвов осваивать новые понятия параллельно в двух языках. Далеко не у всех родителей, желающих сохранить для детей русский язык и ввести их в любимый мир русской литературы и фольклора, хватает умения и терпения, чтобы преодолеть многочисленные трудности на этом пути.

Анастасия Ц., 48

Когда ей было 10 лет, я ей читала «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...», а она спрашивала: «Мама, что такое “девица”? Что такое “под окном”? А что такое “вечерком”?»

Интервьюер: А «пряли»?

Анастасия: Думаю, она даже и не расслышала «пряли». Это уже было не важно.

Нашим информанткам Анастасии Ф., Инне Р. и Анастасии Ц. удалось воспитать билингвов, но это потребовало нескольких лет систематических занятий и самодисциплины в разделении языков.

Языковые курьезы, которые мы приводим далее, представляют собой образцы эротического фольклора иммигрантов. Примечательно, что рассказывают их женщины, хотя, как известно, в современной русской культуре женщины избегают публично рассказывать эротические истории и анекдоты, оставляя эту роль мужчинам (Райс 1997; Драйцер 1999).

Лилия В., 22

Моя тетка ехала в такси, и она еще не очень хорошо знала иврит, была год в стране. Ей было жарко, и она говорит:

– *Тадлик бэвакаша мазган. Ани иша хама.* (Включите, пожалуйста, кондиционер. Я горячая женщина – иврит).

Носителю иврита так же, как и носителю русского языка, ясны эротические коннотации высказывания, вызванные синтаксической ошибкой. Убедительность именно такого толкования могла усиливаться фоновым знанием мифа о том, что «все русские – проститутки».

Анастасия Ф., 43

Как-то в первые годы после эмиграции я проходила по хайфскому рынку и услышала, как продавец винограда рекламировал свой товар: «*Боу тикну* (иврит, «покупайте») груди, сладки груди».

Я подхожу к нему и говорю:

– «Вы знаете, что по-русски груди – это *шидаим*?! А вам нужно предлагать купить виноград или гроздь винограда». Он на секунду обалдел, а потом нашелся.

– «*Цадакти. Шнейхэм мэтуким*» (Я все правильно сказал! И то, и другое сладкое – иврит. При транскрибировании не удалось передать фрикативный «г», используемый в третьем лице множественного числа – Примеч. авторов).

Попытки израильтян, занятых в сфере обслуживания, освоить русские слова и выражения для привлечения русскоговорящих клиентов часто приводят к курьезам, запечатленным в вывесках и в устной речи. Так, одна из информанток, чье настоящее имя Мария, рассказывает, что была шокирована бесцеремонностью продавцов на рынке, зазывно кричавших «Мируська, Мируська, иди сюда!» Как оказалось, обращено это было не лично к ней, а ко всем приехавшим *ми русия*, из России. Продавец в рассказе Анастасии Ф., возможно, стал жертвой шутника, специально научившего его двусмысленной рекламе. Грудь, как указывает Драйцер – главный фетиш русского эротического фольклора. В целом же, анекдоты, поговорки и шуточные стихи, описывающие части тела, наиболее добродушны в изображении отношений между полами (Драйцер 1999: 29–31). Столь же добродушен и продавец-израильтянин, превращающий свою ошибку в хвалу женскому телу.

Отдельным типом фольклорного рассказа является и розыгрыш говорящего на другом языке, например обучение его бранной лексике под видом обиходной или обучение хвалебным и ласкательным словам вместо бранных (см., например, рассказ Даны Л. о розыгрыше одноклассников-израильтян, глава 3). Особую радость у шутников вызывают случаи совпадения обсценных слов одного языка с обиходными словами другого.

Анастасия Ф., 43

Однажды надо мной весело подшутили арабские студенты. Они вежливо спросили, как по-русски «зубы». Я запо-

дозрила подвох, но всё-таки произнесла: «зубы». Класс сотряснулся от хохота. Потом мне, конечно, объяснили, что это слово по-арабски обозначает мужской половой член.

Этот эпизод интересен не только языковой игрой. Ученики и студенты часто создают амбивалентные ситуации, проверяющие чувство юмора и выдержку преподавателей. В обстановке межэтнического конфликта такие шутки рискованны и могут поставить под удар студентов, развлекающихся за счет преподавателя.

В двух следующих отрывках языковая игра включает русскую обсценную лексику. Мы уже упоминали в главе 3, что граффити с русскими нецензурными словами украшают сегодня израильские города, свидетельствуя о том, что юные билингвы осваивают русскую лексику разных регистров. Настоящим откровением стал для изучающих иврит тот факт, что некоторые слова имеют сходство с русскими матерными словами. Учителя *ульпанов* не могли понять неадекватную, как им казалось, реакцию студентов на фразу *ани мудаг* (я беспокоюсь), слово *дахуй* (отсроченный), *бейт-тамхуй* (благотворительная столовая) и т. д. Удивляло вновь прибывших носителей русского языка и то, с какой легкостью израильтяне, принадлежащие к любым слоям населения, произносят слово «бардак» в значении «беспорядок», а, выражая легкую досаду, говорят «*кебенимат*». Сегодня в России никого не удивляет использование мата в публичном дискурсе. Как отмечает Гусейнов, конец советской эпохи сопровождался всплытием на поверхность общественной жизни мата, вторжением его на страницы самых разнообразных изданий, движением по всем каналам СМИ и живейшим обсуждением общественностью (Гусейнов 2004: 145). Пик иммиграции в Израиль пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х, когда мат еще оставался маргинальным явлением официальной нормы, и для многих так и остался табу. Более того, несмотря на то, что русскоязычные газеты используют широкий репертуар слов, вошедших в русскую речь в 90-х, например, «пиар» и его производные, «имиджмейкеры», «политтехнологии», «платить на-

лом» и т.д., в отношении матерной лексики публичный дискурс в Израиле остается таким же пуританским, как и в советские времена (о табуированности мата, его языческих корнях, гендерных аспектах употребления и функциях в языке и речи см. Ахметова 1997; Гусейнов 2004; Драйцер 1999; Михайлин 2000, Топорков 1995; Яковенко 2000).

Людмила З., 44

... Я работала недолго в гостинице. И я убралась, но потеряла ключ от номера. И мне нужно было прийти и сказать ивритоговорящему, что я потеряла ключ. Перед этим я не знала слово «потеряла», и я пошла к русским девочкам спросить:

– Девочки, а как сказать: «потеряла»? Когда мне говорят: «*ебадете*», я стояла и хлопала глазами. А у нас очень часто подшучивали. И я говорю:

– Вы, наверное, шутите.

Мне пришлось спросить человек восемь, пока у меня вернулся язык. Я подошла, я сказала, значит, этому Менделю, что:

– *Ани ебадети мафтеах* (Я потеряла ключ – иврит).

И я ждала его реакции. Я вся сжалась, и так тихонечко наблюдала. Ну, нормальная реакция, тогда я поняла, что надо мной не подшутили.

Людмиле казалось немыслимым употребление нецензурного слова в разговоре с начальником. Опасения ее были так велики, что она полностью упустила из вида, что управляющий не знал русского языка и никак не мог отличить «культурные» слова от «некультурных».

В неформальном дискурсе иммигрантов матерные слова используются широко и часто, в частности, в иммигрантском фольклоре.

София Е., 48

Я тут недавно в компании слышала анекдот, израильский вариант старого детского «А волны бьются о борт корабля». Так вот, израильтянин спрашивает своего русского знакомого:

– Что такое сабля?

Ну, тот стал объяснять, что это такой вид холодного оружия, такой клинок, а израильтянин перебивает:

«Нет, нет, это не то. Мой сосед по утрам, когда у него машина не заводится, все повторяет: *Са* (езжай), *бля*, *са*, *бля*!

Игра с матом продолжается в иммигрантской среде. Двухязычный юмор с использованием обсценной лексики встречается на иммигрантских Интернет-сайтах, филологи делают перевод ненормативной русской лексики на иврит, обучают «нехорошим словечкам» своих ивритоязычных коллег и друзей и радуются, когда те включаются в языковое творчество⁸.

Нашей целью в этой главе было показать мобилизацию языкового сознания у тех, кто вырос монолингвом и оказался в обществе, где практикуется многоязычие. Наш материал подтверждает вывод Престона о том, что неспециалист черпает больше лингвистических знаний из социокультурных, чем собственно лингвистических фактов (Престон 1996: 72). Прежде всего, это касается осознания того, что язык – категория статусная. В СССР русский язык прокладывал дорогу к социально-экономическим ресурсам, и еврейская интеллигенция гордилась своими языковыми навыками, которые часто были лучше, чем у представителей других этносов. Бытовавшее в СССР имперское отношение к языкам меньшинств и носителям этих языков было перенесено в языковую ситуацию Израиля, и, несмотря на то, что русский является языком меньшинства, он продолжает ассоциироваться с более богатой культурой, чем язык большинства – иврит.

Как любые участники ситуации двухязычия, иммигранты привыкают к специализации функций разных языков и к тому, что они

занимают разные места на шкале оценок, принятых в обществе (Хаймс 1986: 39; Ламберт и Тэйлор 1996). В то время, как русский язык превалирует в неформальном общении взрослых, иврит и английский остаются языками общения в общественной и профессиональных сферах, особенно в официальной обстановке. В то же время благодаря младшему поколению иврит постепенно входит в неформальное общение, а русский язык все чаще употребляется в бизнесе, компаниях высоких технологий и в университетских исследовательских группах, включающих несколько носителей русского языка.

Личные рассказы иммигрантов демонстрируют, что одна и та же личность часто совмещает инструментальный и символический подходы к языку. Владение ивритом и английским считается важным средством достижения высокого социально-экономического статуса, а русский язык наделяется символической ценностью. Все наши взрослые информанты говорили о том, что возможность общения на русском языке позволяет им реализовать весь потенциал личности, адекватно выразить мысли, эмоции, и чувствовать себя раскованно. Идиш и татарский языки, но не иврит, считаются языками, связывающими евреев с их историческими корнями.

Первый «немой» период жизни в Израиле оставил у иммигрантов тяжелые воспоминания. Утрата способности понимать окружающих и быть понятыми оказалась важной составляющей культурного шока. Тяжелее других отсутствие языка общения переживала интеллигенция. Как заметили Ходж и Кресс, наделенные властью в обществе не хотят оказаться невежами, а наделенные силой интеллекта не хотят чувствовать себя беспомощными (1979: 100). Потеря способности участвовать в общении была воспринята интеллигенцией как препятствие к использованию своих знаний, интеллектуальных и профессиональных способностей, а поэтому и как препятствие к достижению соответствующего запросам общественного статуса.

Биографический метод доказал свою эффективность, когда требовалось проследить эволюцию отношения эмигрантов к языку.

Родной язык, принимавшийся как нечто само собой разумеющееся, приобрел символическую ценность. Забытый и казавшийся ненужным идиш стал звеном, соединяющим с предками и их культурными корнями. Идеализация иврита, которую иммигранты старались культивировать в своей среде в начальный период иммиграции, превратилась в терпимость и восприятие его как языка, необходимого для выживания. По мере изменений в социальном положении индивида и как следствие повышения престижа русской общины в целом происходят постоянные изменения во взаимодействии инструментального и символического подходов к языку.

Примечания:

¹ Материал данной главы частично опубликован в статье Еленевская и Фиалкова 2003а.

² В последние годы в лингвистике появился новый термин, связанный с многоязычием: «языковые права человека». Под этим подразумевается право каждого говорить на родном языке и получить на нем начальное образование, а также право обучаться хотя бы одному из государственных языков страны проживания (Филлипсон и Раннат 1995).

³ На выборах в 2003 г. партия Исраэль бе алия потерпела серьезное поражение. Она перестала существовать как самостоятельная партия, а на правах фракции вошла в Ликуд. Однако депутаты-иммигранты и Ликуда, и других партий продолжают лоббировать интересы русскоязычной общины.

⁴ Исследователи, работающие в области двуязычия, считают это явление многоуровневым, включающим разную степень владения вторым языком. При этом для описания разных уровней двуязычия используется разная терминология. Так, Вальдес вводит понятие «амбилингва» для обозначения языковой личности, владеющей двумя языками на уровне родного. Те, кто могут эффективно взаимодействовать с носителями языка, являющегося для них вторым, для выполнения различных видов коммуникативной деятельности, он называет стабильными функциональными билингвами. При этом степень владения вторым языком у функциональных билингвов разная (Вальдес 1997: 33, 35). Другой исследователь, Хикерсон, определяет одинаковое владение двумя языками на уровне родного как «полный билингвизм». Группу функциональных билингвов

она делит на «координирующих» и «субординирующих» (Хикерсон 1980: 84).

⁵ Благодарим Эдну Хейхаль и проф. Дова Ноя за помощь в поиске интерпретации и источника возникновения этой паремии.

⁶ Еще раз обратим внимание читателя на оксюморон «еврейская Пасха», которым до сих пор пользуются многие иммигранты для обозначения праздника Песах, хотя большинство уже знает, что, несмотря на календарную близость, христианская Пасха и иудейский Песах наполнены разным содержанием и символическим смыслом. Интересен в этом плане и рассказ Дины Рубиной «Я не любовник макарон», или кое-что из иврита» (<http://www.dinarubina.com/texts/makarony.html> 10.05.2005)

⁷ Удивление интервьюера вполне объяснимо. Такой записи – «украинец по маме» во внутреннем паспорте не могло быть. В соответствии с Галахой, любой ребенок наследует этничность матери. Таким образом, у неевреев может быть запись «русский», «румын», «француз», «украинец» и т.д. Кроме того, отдельной строкой указывается имя отца. Благодаря усилиям депутатов-иммигрантов в последние годы исчезла из внутреннего паспорта унижающая достоинство запись «без национальности», появившаяся у многих выходцев из СССР в начале 90-х.

⁸ Журналистка Анна Соловей, например, рассказывает о том, что ее знакомый, выучивший только два русских слова «подруга» и «трахать» тут же создал неологизм «потраха», которым с удовольствием пользуются и другие (Соловей 2003: 30).